ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

КАКЪ УЧРЕДИТЕЛЬ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

РѢЧЬ,

ЧИТАННАЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

31 мая 1872 г.

Непремѣннымъ секретаремъ Академикомъ

К. С. Веселовскимъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

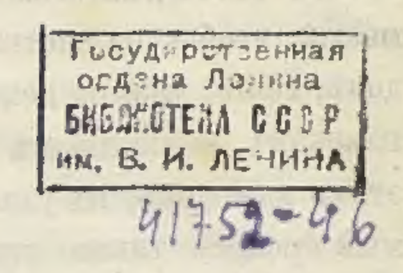
(Вас. остр., 9 лин. № 12.)

1872.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мая 1872 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

КАКЪ УЧРЕДИТЕЛЬ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ММ. ГГ.

Народное торжество, которое въ настоящіе дни сливаетъ всю Россію въ единодушное выраженіе чувствъ благоговѣнія и признательности къ Великому Императору — Творцу ея политическаго могущества, — есть для Академіи Наукъ двойное торжество: — она празднуетъ въ то же время память того, кому она обязана своимъ существованіемъ, кто мощнымъ словомъ своимъ призвалъ ее къ бытію и положилъ прочный камень, на которомъ утвердилось зданіе науки въ Россіи.

Учрежденіе Академіи находится въ тѣсной и неразрывной связи съ общимъ духомъ и значеніемъ тѣхъ преобразованій, которыми Петръ возродилъ насъ къ новой жизни, — и какъ все, до чего касался Великій, оно носитъ на себѣ печать личнаго характера безсмертнаго Царя. Поэтому, призванный говорить передъ Вами, Мм. Гг., о Петрѣ, какъ основателѣ Академіи, я долженъ прежде всего посвятить нѣсколько словъ общему изображенію великой исторической личности.

Яркая черта, которою отмѣчены всѣ дѣйствія Петра — это геніальность. Въ сферѣ мысли и науки — геній есть тотъ, кому дано угадывать связь между предметами и явленіями, незамѣтную

для обыкновеннаго ума; тамъ гдѣ другимъ людямъ необходимо пройти послѣдовательно, шагъ за шагомъ, черезъ всѣ звенья мысли, чтобы, не споткнувшись, дойти до окончательныхъ выводовъ, геній, уже по немногимъ даннымъ, по однимъ такъ сказать намекамъ, — мощнымъ полетомъ, какъ бы скачкомъ, достигаетъ этихъ выводовъ, къ удивленію современниковъ, для которыхъ самый процесъ такого творчества остается непонятнымъ и поразительнымъ. Люди же дѣла, отмѣченные печатію генія, отличаются не только способностію ясно понимать настоящее и угадывать необходимое и возможное будущее, но и особымъ даромъ избирать и осуществлять тѣ именно средства, которыя прямѣе и вѣрнѣе ведутъ къ цѣли. Геніи этого рода всегда представляютъ собою огромную нравственную силу, которою покоряютъ себѣ все ихъ окружающее. Появленіе ихъ на аренѣ исторіи составляетъ или великое бѣдствіе, или великое благо для человѣчества, смотря по тому, какимъ цѣлямъ служатъ они. Горе людямъ, если геніальною личностью двигаютъ только эгоистическія побужденія любви къ славѣ и власти! Тогда міръ бываетъ свидѣтелемъ появленія такихъ дѣятелей, которые для своего возвеличенія приносятъ въ жертву все святое — счастіе цѣлыхъ народовъ и самые дорогіе интересы человѣчества. Самый яркій примѣръ такого рокового явленія мы видимъ въ великомъ Наполеонѣ: обладая геніемъ безпримѣрнымъ, но несогрѣтымъ высокимъ побужденіемъ любви къ ближнимъ и къ народу, онъ пронесся надъ Европой зловѣщимъ метеоромъ, обозначавшимъ свой путь милліонами человѣческихъ труповъ, пожарами городовъ и селеній, раззореніемъ своей родины и угнетеніемъ Европы, за которое грознымъ, хотя и заслуженнымъ возмездіемъ было недавнее пораженіе той самой Франціи, которая изъ труповъ лучшихъ сыновъ своихъ возвела памятникъ величію Наполеона.... Не таковъ бываетъ геній, проникнутый идеею о пользѣ человѣчества: онъ приноситъ всего себя, всю силу своей воли, всю энергію своего характера на служеніе этой высокой идеѣ; покоряя себѣ другихъ, онъ заставляетъ ихъ идти, часто противъ собственной ихъ воли, по пути улучшеній, и сози-

даетъ себѣ памятникъ въ дѣяніяхъ, за которыя его благословляетъ потомство.

Величественнымъ осуществленіемъ геніальной натуры, обращенной на служеніе идеѣ общаго блага, представляется Петръ. Природа щедрою рукою надѣлила его всѣми качествами человѣка мысли и человѣка дѣла. Необыкновенная проницательность и глубина убѣжденій соединялись въ немъ съ силою воли и жаждою дѣятельности. Чѣмъ, какъ не чутьемъ генія, угадалъ онъ необходимость для Россіи флота и выхода въ море еще въ то время, когда, въ самой средиземной изъ всѣхъ столицъ Европейскихъ, вдали отъ картинъ, воспитывающихъ въ приморскихъ жителяхъ любовь къ подвижной стихіи, онъ, еще отрокомъ, среди забавъ на Просяномъ прудѣ и на Переяславскомъ озерѣ, пристращался къ морскому дѣлу? Чѣмъ, какъ не геніемъ, постигъ онъ значеніе регулярнаго войска, когда въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго предавался дѣтскимъ забавамъ съ своими потѣшными, которые его творческою рукою превращены въ полки, рѣшившіе на поляхъ Полтавы вопросъ о томъ, быть ли Россіи Европейскою державою? Не черту ли геніальности составляетъ эта любознательность, эта страстная жажда знанія, которая проявилась въ немъ еще въ отроческіе годы и сопровождала его до самаго гроба? Еще четырнадцатилѣтній мальчикъ, едва знакомый съ одною граматою, выросшій среди людей, непросвѣщенныхъ наукою и равнодушныхъ къ ней, онъ уже рвется въ область знанія, тщетно распрашиваетъ своихъ приближенныхъ о томъ, чего ни они, ни онъ самъ еще не вѣдаютъ, но что уже предугадываетъ его геній, прозрѣвавшій, что одно только знаніе облагораживаетъ человѣка, увеличиваетъ его силы и дѣлаетъ его полезнымъ членомъ общества. Напрасно стали бы мы, для объясненія этого явленія, искать какихъ либо внѣшнихъ причинъ — вліянія на Петра какихъ либо личностей и постороннихъ случайностей: божественная искра загорѣлась въ немъ самомъ и, не потухая во все теченіе его жизни, озаряла своимъ свѣтомъ всѣ его дѣйствія, клонившіяся къ благу Россіи. И потомъ, когда мы видимъ Петра устраивающимъ школы,

путешествующимъ по Европѣ для собственнаго образованія, посылающимъ молодыхъ людей учиться за границу, вызывающимъ иностранцевъ свѣдущихъ по разнымъ частямъ, заводящимъ гражданскую печать, типографіи и первыя у насъ политическія газеты, приказывающимъ переводить на русскій языкъ полезныя книги и пересматривающимъ эти переводы, ведущимъ упорную войну съ предразсудками, невѣжествомъ и лѣнью — вездѣ мы видимъ предъ собою того же гиганта, который, почерпая въ одной своей энергіи средства бороться съ противодѣйствующими элементами, рядомъ мѣръ, которыя близорукость называетъ насильственными, ведетъ свой народъ къ просвѣщенію и на немъ созидаетъ политическое могущество государства.

И прежде были, и нынѣ встрѣчаются писатели, которые, подвергая исторію Петра критическому разбору, находятъ слишкомъ крутыми и преждевременными нѣкоторыя Петровскія мѣры, въ особенности тѣ, которыми онъ велъ борьбу съ необразованностью и отсталостью современнаго ему русскаго общества. Такое мнѣніе могло бы имѣть значеніе, если было бы возможно доказать, что народъ, погруженный въ невѣжество и вслѣдствіе того упорный въ своемъ застоѣ и равнодушный къ улучшенію своего быта, можно было преобразовать въ могущественную европейскую націю однѣми мягкими и постепенными мѣрами. Но доказать это могъ бы только дѣйствительный опытъ, а за невозможностью подобнаго опыта, всѣ гаданія о томъ, что было бы лучше, если бы Петръ сдѣлалъ то-то, а не это, относятся къ числу праздныхъ упражненій мысли, которыми еще хорошо если не прикрываются весьма невысокія побужденія. Чтобы правильно судить о тѣхъ средствахъ, которыми дѣятели, подобные Петру, достигаютъ своихъ цѣлей, надо обращать взоръ на принесенныя ими плоды, и если эти плоды были благомъ для человѣчества, если они легли сѣменемъ всего послѣдующаго процвѣтанія націи, то безпристрастное потомство можетъ только благословлять эти средства и стараться познавать въ нихъ таинственную силу генія.

Одною изъ мѣръ, къ которымъ вполнѣ прилагаются эти за-

мѣчанія,— было учрежденіе Академіи Наукъ, задуманное Петромъ въ послѣдніе годы его жизни, и осуществленное его преемницею.

Петръ, не только стоявшій выше своихъ подданныхъ, но во многомъ опередившій даже свой вѣкъ, свѣтлымъ умомъ своимъ постигалъ, что безъ науки невозможно истинное величіе народа, и что безъ водворенія ея у насъ не было бы обезпечено успѣшное развитіе тѣхъ учрежденій, которыми онъ обновилъ государственный организмъ Россіи. Заимствованіе извнѣ необходимыхъ познаній, путемъ перевода иностранныхъ книгъ, приглашеніемъ на Русскую службу иностранцевъ и другими подобными мѣрами, хотя временно и удовлетворяло первой потребности, но всего этого было бы въ будущемъ слишкомъ мало для поддержанія Россіи на той высотѣ, на которой онъ желалъ ее видѣть. Это убѣжденіе привело его къ мысли о необходимости возбудить въ Россіи самостоятельныя занятія наукою и для того пересадить на нашу почву ученость западной Европы. И здѣсь, подобно тому, какъ и въ другихъ начинаніяхъ его, Петру, нелюбившему полумѣръ и неимѣвшему привычки опускать руки передъ трудностями дѣла, достаточно было сознать весь объемъ задачи, для того, чтобы пойти прямо къ ея осуществленію средствами рѣшительными и существенными. И вотъ мы видимъ, какъ въ умѣ его постепенно зрѣетъ смѣлая, оригинальная мысль—въ странѣ, въ которой еще не было ни ученыхъ, ни университетовъ, ни гимназій, создать учрежденіе, которое было бы вмѣстѣ и гимназіей, и университетомъ, и высшимъ ученымъ обществомъ.

Для такой дѣятельной и подвижной натуры, каковъ Петръ, отдыхъ не могъ заключаться въ совершенномъ покоѣ; для него было уже отдохновеніемъ обращаться изъ области практической дѣятельности къ сферѣ предметовъ, относящихся до разъясненія законовъ природы и бытія человѣческаго. Любя и цѣня науку, Петръ привыкъ, послѣ государственныхъ дѣлъ и заботъ, искать наслажденія въ занятіяхъ, питавшихъ его безпредѣльную любознательность. Такимъ образомъ онъ приблизилъ съ себѣ людей, по тогдашнимъ понятіямъ ученыхъ, велъ переписку съ нѣкото-

рыми знаменитыми представителями науки въ Европѣ, собиралъ библіотеку и кабинетъ натуральной исторіи и рѣдкостей всякаго рода. Этотъ кабинетъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи столь популярнымъ подъ названіемъ кунсткамеры, а равно и библіотека, замѣчательная тѣмъ, что была первымъ въ Россіи книгохранилищемъ, доступнымъ для общественнаго пользованія—эти два учрежденія заслуживаютъ нашего вниманія потому, что ихъ исторія тѣсно связана съ исторіею Академіи, и въ особенности съ ея зарожденіемъ. Первымъ зерномъ для учрежденія библіотеки послужили книги, вывезенныя изъ завоеванныхъ Остзейскихъ городовъ, и для которыхъ сперва было отведено мѣсто во дворцѣ Императора въ Лѣтнемъ Саду. Когда вскорѣ затѣмъ присоединились къ нимъ собранія книгъ Андрея Виніуса, Питкарна и Архіатера Арескина, библіотека уже не могла вмѣщаться въ лѣтнемъ дворцѣ и перенесена въ бывшій домъ Кикина, близъ Смольнаго двора. Въ то же время Петръ, пріобрѣтя въ первое путешествіе свое по Европѣ небольшое собраніе птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ, положилъ этимъ первое основаніе музею естественной исторіи. Собраніе анатомическихъ препаратовъ знаменитаго Рюйша и колекціи Вуттера и другія приращенія вскорѣ значительнымъ образомъ обогатили кунсткамеру. Петръ часто посѣщалъ ее, проводилъ въ ней по нѣскольку часовъ, входилъ во всѣ подробности, касавшіяся до нея, и даже, случалось, давалъ въ ней аудіенціи и выслушивалъ доклады. Такъ какъ при первомъ приступѣ къ наукѣ воображеніе обыкновенно наиболѣе поражается явленіями рѣдкими и диковинками, то не удивительно, что вѣнценосный владѣтель этого перваго русскаго музея обращалъ вниманіе свое въ особенности на собираніе тѣхъ отступленій отъ нормальныхъ формъ природы, которыя извѣстны подъ названіемъ Lusus naturae. Всѣмъ извѣстенъ его любопытный указъ 1718 года о доставленіи въ кунсткамеру со всѣхъ концовъ Россіи монстровъ и «всякаго рода раритетовъ». По поводу этого указа Нартовъ разсказываетъ, что объявляя о немъ Арескину, завѣдывавшему кунсткамерою, Государь сказалъ:

«Я велѣлъ губернаторамъ собирать монстровъ, и присылать къ тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если бы я хотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ, мѣста бы у тебя было для нихъ мало. Пускай шатаются они по всенародной кунсткамерѣ; между людьми они примѣтны». Управленіе кунсткамерою и библіотекою, послѣ смерти Арескина (1718 г.), было поручено его преемнику по званію лейбъ-медика, Лаврентію Блументросту. Этотъ замѣчательный человѣкъ Петровской эпохи былъ Московскій уроженецъ, сынъ лейбъ-медика при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и получилъ основательное медицинское образованіе въ Голландіи, подъ руководствомъ знаменитаго Бургава. Независимо отъ прямыхъ своихъ обязанностей, какъ придворнаго врача, онъ былъ усерднымъ исполнителемъ различныхъ порученій Императора по ученой части и своими многосторонними познаніями замѣнялъ для Петра какъ бы цѣлую Академію. Чрезъ него нерѣдко происходила переписка Царя съ иностранными учеными.

Въ ряду представителей науки, которые удостоились чести личныхъ или письменныхъ сношеній съ Преобразователемъ Россіи, первое мѣсто принадлежитъ Лейбницу. Великій Германскій ученый и мыслитель, въ обширной перепискѣ своей съ Петромъ и при свиданіяхъ съ нимъ, касался многихъ вопросовъ, относившихся до Россіи и въ особенности до средствъ къ распространенію въ ней образованія. Разсказываютъ, что Лейбницъ, уже обезсмертившій себя участіемъ, которое онъ принималъ въ учрежденіи въ 1700 г. Берлинской Академіи Наукъ, вручилъ въ 1712 г. Русскому Монарху цѣлый проектъ подобнаго же учрежденія на берегахъ Невы. Очень можетъ быть, что уже съ этого времени мысль о такомъ учрежденіи занимала Петра; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ право заключать о томъ по тому любопытству, съ которымъ онъ, бывши въ Парижѣ въ 1717 г., поспѣшилъ ознакомиться съ тамошнею Академіею, присутствовалъ въ ея засѣданіи, распрашивалъ о всемъ ея устройствѣ, осматривалъ ея ученыя принадлежности и въ знакъ того удовольствія, которое вы-

несъ изъ нея, пожелалъ самъ быть ея членомъ. Весьма возможно, что бесѣдуя съ французскими учеными онъ уже въ мысляхъ своихъ основывалъ подобную Академію въ новосозданной имъ столицѣ. Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Парижа, Петръ на одномъ докладѣ относительно мѣръ къ распространенію народнаго образованія, кладетъ собственноручную резолюцію: «сдѣлать Академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ, и къ тому склонность имѣетъ, а также начать переводить книги юриспруденціи и прочія.» О своемъ намѣреніи учредить Академію, Петръ въ то время уже былъ въ перепискѣ съ нѣкоторыми учеными, между прочимъ, съ знаменитымъ Вольфомъ, какъ видно изъ письма нѣмецкаго мыслителя отъ 11 января 1721 г. Въ томъ же году, отправляя своего библіотекаря Шумахера во Францію, Германію, Голландію и Англію, Государь, въ числѣ другихъ порученій, возложилъ на него «съ учеными корреспонденцію произвести для сочиненія социетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ». Изъ этихъ многократныхъ сношеній Государя съ иностранцами, видно, что тѣ мысли, которыя сообщалъ ему тотъ или другой изъ нихъ, не удовлетворяли его, но что, выслушивая ихъ, онъ самъ внимательно обдумывалъ планъ свой, прежде чѣмъ приступить къ его исполненію. Этотъ планъ созрѣлъ не прежде 1723 г., ибо въ началѣ слѣдующаго года, или нѣсколько ранѣе, Петръ повелѣлъ Блументросту составить проектъ Академіи, а въ концѣ января того же года лейбъ-медикъ представилъ Государю такой проектъ на русскомъ языкѣ. Существенныя части этого проекта, по всей вѣроятности принадлежатъ самому Петру, и трудъ лейбъ-медика состоялъ только въ письменномъ изложеніи тѣхъ мыслей, которыя изустно передалъ ему Государь. Разсмотрѣвъ проектъ и сдѣлавъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ его собственноручныя поправки, Петръ одобрилъ его и приказалъ немедленно приступить къ распоряженіямъ о приглашеніи изъ заграницы ученыхъ къ поступленію въ службу при Академіи.

Въ то время, когда Петръ основывалъ Академію, въ его

свѣтломъ умѣ уже сложилось убѣжденіе, что наука сама по себѣ, въ ея отвлеченномъ значеніи, повсюду, а тѣмъ болѣе въ странѣ подобной Россіи, можетъ быть предметомъ занятій только небольшаго круга людей, которыхъ можно удержать на этомъ пути только попеченіемъ правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ, примѣняясь къ тогдашнему состоянію у насъ образованія, онъ хотѣлъ, чтобы учреждаемая имъ высшая ученая колегія была въ то же время и центромъ, изъ котораго наука распространялась бы въ жизнь, путемъ преподаванія и практическихъ примѣненій. Такимъ образомъ, Академія, по идеѣ своего учредителя, должна была удовлетворять двоякой цѣли: во-первыхъ онъ хотѣлъ, чтобы и въ Россіи наука обработывалась въ ея высшемъ безотносительномъ значеніи. Покровительство такой учености онъ ставилъ въ обязанность государству, желая, для славы отечества, чтобы и русскіе приняли участіе въ общемъ дѣлѣ совершенствованія наукъ. «Академики, говорилъ онъ, должны пріобрѣсть намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки и что пора перестать считать насъ за варваровъ, пренебрегающихъ наукой». Во-вторыхъ, Академія должна была имѣть такое устройство, чтобы «отъ нея чрезъ обученіе и размноженіе художествъ и наукъ польза въ народѣ впредь была». Въ этихъ видахъ Академія должна была состоять изъ «самолучшихъ ученыхъ людей», которыхъ главнымъ назначеніемъ было «науки производить и совершать», но вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣли обязанностью «публично обучать младыхъ людей, ежели которыя изъ оныхъ угодны будутъ», т. е. читать публичныя лекціи для желающихъ, и сверхъ того «обучать при себѣ нѣкоторыхъ людей, которые бъ и сами младыхъ людей первымъ рудиментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли». Чтобы удовлетворять этимъ цѣлямъ, Академія должна была состоять изъ трехъ частей, имѣвшихъ тѣсную связь между собою: 1) изъ совершенной Академіи, члены которой должны были «трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ», оказывать, въ случаѣ надобности, помощь своими познаніями присутственнымъ мѣстамъ и пещись о распространеніи и

заведеніи «вольныхъ художествъ и мануфактуръ»; 2) изъ университета, въ которомъ Академики преподавали бы публичныя лекціи о «художествахъ и наукахъ» и 3) изъ «гимназіума», гдѣ адъюнкты или элевы Академиковъ обучали бы юношей первымъ основаніямъ наукъ и приготовляли ихъ къ поступленію въ университетъ, въ учителя будущихъ училищъ и т. п.

Петру не суждено было дожить до открытія задуманнаго имъ учрежденія. По свидѣтельству одного современника, онъ, на смертномъ одрѣ, поручилъ императрицѣ Екатеринѣ послѣднее твореніе своего генія и завѣщалъ ей осуществить его предначертанія объ Академіи. Вѣрная памяти Великаго Монарха, Его Супруга свято исполнила этотъ завѣтъ: не далѣе какъ чрезъ полгода по смерти Петра, она милостиво принимала въ лѣтнемъ дворцѣ своемъ нѣкоторыхъ изъ прибывшихъ въ Петербургъ Академиковъ, а 29 декабря 1726 г. Академія была торжественно открыта публичнымъ собраніемъ. Къ ней въ то же время были причислены кунсткамера и библіотека Петра, изъ которыхъ произошли нынѣшніе наши музеи и библіотека.

Таково было начало Академіи. Какъ ея зарожденіе отмѣчено печатью Петровскаго характера, такъ точно эта мѣра по послѣдствіямъ своимъ раздѣляетъ судьбу прочихъ начинаній Петра. Всѣ они казались преждевременными, встрѣчали на пути своемъ огромныя препятствія, стоили большихъ жертвъ и усилій, но какъ задуманныя дальнозоркостью генія, они выдержали испытаніе времени и сдѣлались источникомъ благихъ послѣдствій для Россіи. На мѣсто нестройной вольницы, Петръ заводитъ регулярное войско — и оно, еще при жизни Монарха, на поляхъ Полтавскихъ добываетъ намъ Балтійское море, а впослѣдствіи даетъ Россіи право голоса въ вопросахъ европейской политики. Онъ заводитъ флотъ — и русскій флагъ побѣдоносно развѣвается подъ Гангутомъ, Чесмою и Синопомъ и проникаетъ въ невѣдомыя страны, обогащая землевѣдѣніе новыми открытіями. Онъ строитъ городъ

на финскомъ болотѣ — и этотъ городъ превращается въ столицу, одну изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, которая дала новое направленіе нашей политической жизни. Точно также, и въ дѣлѣ науки, Петръ положилъ лишь первый камень — и на этомъ фундаментѣ послѣдующія поколѣнія возвели прочное зданіе: исполняя завѣтъ Петра, русскіе ученые «пріобрѣли намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки».

